

Ранке Леопольд фон

Об эпохах новой истории

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л47

Л47 **Леопольд фон Р.**
Об эпохах новой истории / Ранке Леопольд фон – М.: Книга по Требованию, 2023. –
200 с.

ISBN 978-5-519-80306-9

ISBN 978-5-519-80306-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Лекціи Ранке, которыя мы предлагаемъ въ русскомъ переводѣ, представляютъ небольшой курсъ, изложенный знаменитымъ историкомъ королю Максимиліану II баварскому въ сентябрѣ и октябрѣ 1854 года. Король интересовался выслушать всемірноисторическій обзоръ, въ которомъ были бы указаны главнѣйшіе моменты развитія человѣчества, главнѣйшіе переходы и поворотные пункты культурной исторіи. Ранке набросалъ этотъ обзоръ для исторіи Новой Европы: началась эта исторія, по его взгляду, съ паденія Римской имперіи, собравшей въ себѣ всѣ нити исторіи древней. При этомъ онъ совершенно отказался отъ проведенія какого-либо философскаго плана, который можетъ плѣнить на первый взглядъ стройностью и ясностью, но на повѣрку окажется, навѣрно, искусственнымъ построеніемъ, навязаннымъ событіямъ, а не вытекающимъ изъ нихъ. Во всей своей дѣятельности Ранке былъ сознательнымъ противникомъ гегелевскихъ обобщеній въ примѣненіи къ исторіи. Сами факты, по его мнѣнію, складываются въ извѣстныя общія группы, и задача историка заключается лишь въ томъ, чтобы отыскать эту естественную группировку и раскрыть ея смыслъ. При этомъ обнаружится

IV

и непрерывная нить, пролегающая между событіями, нить взаимодействій и вліяній, нить переходовъ отъ одного историческаго стремленія къ другому. Нить эта нигдѣ не прерывается, и потому можетъ быть рѣчь о всемірной исторіи и общемъ развитіи человѣчества, — но напрасно было бы искать въ этомъ развитіи иныхъ руководящихъ идей, чѣмъ смѣна тенденцій, въ которыхъ жизненно соединяются въ различныя эпохи элементы какъ духовнаго, такъ и матеріальнаго свойства: право и сила, нравственно-религіозныя, умственные, политическія, хозяйственные начала.

Изъ названныхъ началъ исторической жизни не всѣ одинаково привлекали вниманіе Ранке и не всѣ получили у него равномѣрную оцѣнку. Какъ въ своихъ обширныхъ работахъ по историческимъ предметамъ и эпохамъ, такъ и въ своемъ бѣгломъ обзорѣ новой исторіи онъ слѣдитъ главнымъ образомъ за жизнью государствъ, — вѣроисповѣдныя споры, политическія учрежденія, правовыя отношенія, хозяйственные условія привлекаются имъ къ разсмотрѣнію лишь поскольку они существенны для исторіи того или другого государства, какъ цѣлаго, и для оцѣнки его роли среди другихъ государствъ. Съ точекъ зрѣнія, достигнутыхъ современною наукою, такая постановка является недостаточной, не обнимающей всего историческаго содержанія. По всѣмъ затронутымъ вопросамъ хотѣлось бы пойти дальше и глубже, и изслѣдованія, появившіяся послѣ работъ Ранке, дѣйствительно углубили историческое изученіе почти во всѣхъ его частяхъ. Тѣмъ не менѣе за работами нашего историка остались несомнѣнныя преимущества, которыя дѣлаютъ ихъ до сихъ поръ пер-

воклассными образцами исторической литературы. По выражению А. Дове, главнѣйшими особенностями историческихъ трудовъ Ранке можно считать широту кругозора, вниманіе къ жизни всего человѣчества, выясненіе связи между общимъ и частнымъ. Никто не умѣлъ лучше Ранке прослѣдить контрасты и политическія взаимодействія между руководящими государствами, никто не намѣтилъ въ общемъ такъ вѣрно всемірно-историческую послѣдовательность этихъ отношеній. Вотъ почему предлагаемый обзоръ, при всей своей бѣглости и односторонности, представляется намъ цѣннымъ для русской публики. Не мало найдется въ немъ неправильныхъ сужденій, устарѣлыхъ взглядовъ, странныхъ пробѣловъ, но внимательный читатель этихъ лекцій вынесетъ изъ нихъ общее представленіе о томъ, какъ разыгрывалась историческая хроника среднихъ вѣковъ и новаго времени, и это будетъ, конечно, немало-важнымъ приобрѣтеніемъ.

Павелъ Виноградовъ.

Первая лекція.

(25 сент. 1854 г.).

В В Е Д Е Н І Е.

Для настоящихъ лекцій прежде всего необходимо объяснить себѣ: 1) исходный пунктъ, отъ котораго придется отправляться; 2) основныя понятія.

Что касается исходнаго пункта, то мы зашли бы дальше нашей цѣли, если бы въ своемъ разсмотрѣніи перенеслись въ совершенно отдаленныя времена, къ совершенно далекимъ отъ насъ обстоятельствамъ, которыя, правда, все еще оказываютъ вліяніе на современность, но только косвенное. Поэтому мы, чтобы не потеряться въ чисто-историческомъ матеріалѣ, возьмемъ за исходный пунктъ римскую эпоху, въ которой можно наблюдать соединеніе разнообразнѣйшихъ моментовъ.

Затѣмъ намъ надо объяснить себѣ: 1) понятіе прогресса вообще; 2) то, что слѣдуетъ, въ связи съ этимъ, разумѣть подъ „руководящими идеями“.

1. Что слѣдуетъ разумѣть подъ понятіемъ „прогрессъ“ въ исторіи.

Если бы мы вмѣстѣ съ нѣкоторыми философами предположили, что все человѣчество развивается изъ даннаго первобытнаго состоянія по направленію къ положительной цѣли, то это можно было бы представить себѣ двоякимъ образомъ: или можно думать, что какая-

то всё́мъ руководящая воля способствуетъ ходу развитія человѣческаго рода отъ одной точки къ другой,—или, что въ человѣчествѣ лежитъ, такъ сказать, духовное влеченіе, которое съ необходимостью направляетъ обстоятельства къ опредѣленной цѣли.— На мой взглядъ оба эти воззрѣнія не выдерживаютъ философской критики и не могутъ быть доказаны исторически.

Съ философской точки зрѣнія такой взглядъ не можетъ быть принятъ потому, что онъ въ первомъ случаѣ прямо устраняетъ человѣческую свободу и налагаетъ на людей печать безвольныхъ орудій,—а во второмъ—люди должны были бы быть или Богомъ, или ничѣмъ.

Но и исторически эти взгляды не оправдываются; ибо, во-первыхъ, человѣчество въ значительной своей части находится еще въ первобытномъ состояніи, въ исходномъ пунктѣ развитія; а тогда спрашивается: что такое прогрессъ? гдѣ замѣтенъ прогрессъ человѣчества?—Существуютъ элементы великаго историческаго развитія, установившіеся въ римской и германской націяхъ; здѣсь, безъ сомнѣнія, существуетъ послѣдовательно развивающаяся духовная сила. Да даже во всемъ историческомъ процессѣ нельзя отрицать, такъ сказать, исторической силы человѣческаго духа; это движеніе, по своему началу восходящее еще къ первобытнымъ временамъ и продолжающееся съ извѣстною постоянностью. Однако въ человѣчествѣ существуетъ вообще только одна группа народовъ, принимающихъ участіе въ этомъ общеисторическомъ движеніи, а другія группы остаются внѣ его. Въ общемъ же мы не можемъ видѣть постояннаго прогресса даже и въ тѣхъ національностяхъ, которыя находятся въ историческомъ движеніи. Обратимъ, напр., свои взоры на Азію, и мы увидимъ, что тамъ культура получила свое начало, и что эта часть свѣта имѣла нѣсколько культурныхъ эпохъ. Однако тамъ движеніе въ цѣломъ было скорѣе попятнымъ, ибо въ азіатской культурѣ какъ разъ древнѣйшая эпоха была самой цвѣтущей; вторая и третья

эпохи, когда господствовали греческіе и римскіе элементы, были уже не такъ значительны, а съ вторженіемъ варваровъ—монголовъ азіатская культура и вовсе прекратилась. Противъ этого факта старались вооружиться гипотезой географическаго шествія прогресса; однако я долженъ съ самаго начала объявить празднымъ утвержденіемъ то предположеніе, которое дѣлалъ, напр., Петръ Великій, что культура совершаетъ круговое шествіе по земному шару; она-де явилась съ востока и снова туда возвращается.

Во-вторыхъ, надо избѣгать при этомъ и другого ошибочнаго воззрѣнія, будто бы прогрессивное развитіе вѣковъ охватываетъ одновременно всѣ стороны человѣческаго существа и способностей.

Исторія показываетъ намъ — возьмемъ для примѣра одинъ только моментъ,—что въ новое время искусство процвѣтало всего болѣе въ XV и первой половинѣ XVI столѣтія, тогда какъ въ концѣ XVII и въ первыя три четверти XVIII оно пришло въ сильнѣйшій упадокъ. Точно также обстоитъ дѣло и съ поэзіей: и здѣсь бываютъ лишь отдѣльные моменты, когда это искусство дѣйствительно выдвигается, однако вовсе не видно того, чтобы поэзія съ теченіемъ вѣковъ достигала высшей потенціи.

Если мы, такимъ образомъ, исключимъ географическій законъ развитія, если, съ другой стороны, мы вынуждены предположить,—а этому насъ поучаетъ исторія,—что цѣлые народы могутъ погибать, когда начавшееся развитіе не является у нихъ непрерывно всеобъемлющимъ, то мы лучше поймемъ, въ чемъ заключается на самомъ дѣлѣ непрерывный прогрессъ человѣчества. Онъ покоится на томъ, что великія духовныя тенденціи, господствующія надъ человѣчествомъ, то расходятся, то встрѣчаются. Въ этихъ тенденціяхъ, однако, есть всегда опредѣленное частное направленіе, которое является преобладающимъ и вліяетъ такъ, что остальные направленія отступаютъ на задній планъ. Такъ, напр., во второй половинѣ XVI вѣка религіозный эле-

ментъ являлся настолько преобладающимъ, что литературный отступалъ передъ нимъ назадъ. Напротивъ, въ XVIII вѣкѣ утилитарное направленіе захватило такое широкое поле, что предъ нимъ должны были податься искусство и родственныя ему сферы дѣятельности.

Въ каждой эпохѣ человѣчества проявляется, такимъ образомъ, опредѣленная великая тенденція, и прогрессъ покоится на томъ, что извѣстное движеніе человѣческаго духа обнаруживается въ каждомъ періодѣ, выдвигая то одну, то другую тенденцію и своеобразно проявляясь въ ней.

Если же, вопреки выраженному здѣсь взгляду, видѣть прогрессъ въ томъ, что будто бы въ каждую эпоху жизнь человѣческая достигаетъ болѣе высокой ступени, что, слѣдовательно, всякое поколѣніе во всѣхъ отношеніяхъ превосходитъ предыдущее, и, значить, послѣднее поколѣніе всякій разъ имѣетъ преимущество передъ прежними, а предшествовавшія являются лишь носителями послѣдующихъ,—то это было бы несправедливостью со стороны Божества. Такое какъ бы посредствующее поколѣніе не имѣло бы само по себѣ значенія; оно что-нибудь значило бы лишь постольку, поскольку оно являлось бы ступенью для послѣдующихъ поколѣній, и не стояло бы въ непосредственномъ отношеніи къ Божеству. Я же утверждаю: каждая эпоха стоитъ въ непосредственномъ отношеніи къ Богу, и ея цѣнность основана вовсе не на томъ, что изъ нея выйдетъ, а на ея существованіи, на ея собственномъ „я“. Благодаря этому разсмотрѣніе исторіи, и именно индивидуальной жизни въ исторіи, получаетъ совершенно особенную привлекательность: каждая эпоха должна быть разсматриваема какъ нѣчто, имѣющее цѣну само по себѣ, и является въ высшей степени достойной разсмотрѣнія.

Историкъ долженъ, повтому, обратить свое вниманіе, во-первыхъ, на то, какъ думали и жили люди въ извѣстный періодъ; тогда онъ увидитъ, что помимо нѣкоторыхъ неизмѣнныхъ и вѣчныхъ основныхъ идей, напр., нравственныхъ, каждая эпоха имѣетъ свою собственную

тенденцію и свой собственный идеалъ. Но если даже всякая эпоха сама по себѣ имѣетъ свое оправданіе и свою цѣну, всетаки нельзя упускать изъ виду того, что вышло изъ этой эпохи. Итакъ историкъ, во-вторыхъ, долженъ замѣтить и различіе между отдѣльными эпохами, для того чтобы созерцать внутреннюю необходимость ихъ послѣдовательности. Нельзя не признать при этомъ извѣстнаго прогресса; но я не сталъ бы утверждать, что этотъ прогрессъ идетъ по прямой линіи, скорѣе это какъ бы потокъ, который по своему прокладываетъ себѣ дорогу.

Мнѣ представляется,—если я позволю себѣ такое замѣчаніе,—что Божество, существуя внѣ времени, обозрѣваетъ все историческое человѣчество въ его цѣломъ и всюду считаетъ его одинаково цѣннымъ. Идея о воспитаніи рода человѣческаго во всякомъ случаѣ заключается въ себѣ долю истины; но предъ Богомъ всѣ поколѣнія человѣчества являются равноправными, и такъ долженъ смотрѣть на дѣло и историкъ.

Несомнѣнный прогрессъ, въ высшей степени рѣшительный подъемъ замѣтенъ на всемъ протяженіи исторіи въ области матеріальныхъ интересовъ, гдѣ шагъ назадъ едва ли и будетъ возможенъ безъ чудовищнаго переворота; въ нравственномъ же отношеніи нельзя прослѣдить прогресса. Нравственныя идеи могутъ, конечно, развиваться экстенсивно; такъ и въ умственномъ отношеніи можно утверждать, что, напр., великія произведенія, созданныя искусствомъ и литературой, нынѣ составляютъ предметъ наслажденія бѣльшей массы людей, чѣмъ прежде; но было бы смѣшно желаніе быть эпическимъ писателемъ выше Гомера или болѣе великимъ трагикомъ, чѣмъ Софоклъ.

2. Какого мнѣнія надо держаться о такъ называемыхъ руководящихъ идеяхъ въ исторіи.

Философы, а именно гегелевская школа, выставили объ этомъ предметѣ извѣстныя положенія, по которымъ

исторія человѣчества разворачивается какъ логическій процессъ въ тезисѣ, антитезисѣ, синтезѣ, въ положеніи и отрицаніи. Но въ схоластикѣ погибаетъ жизнь, такъ и это возрѣніе на исторію, этотъ процессъ саморазвивающагося по разнымъ логическимъ категоріямъ духа привелъ бы къ тому, что мы уже выше отвергли. По этому возрѣнію только идея имѣла бы самостоятельную жизнь; всѣ же люди были бы лишь тѣнями или схемами, наполняющимися идеей.

Въ основѣ ученія, по которому міровой духъ производитъ вещи какъ бы обманомъ и пользуется людскими страстями для достиженія своихъ цѣлей, въ основѣ этого ученія лежитъ въ высшей степени недостойное представленіе о Богѣ и человѣчествѣ; вдобавокъ, это ученіе послѣдовательно можетъ привести только къ пантеизму; человѣчество тогда—Божество въ процессѣ своего осуществленія, Божество, которое рождаетъ само себя духовнымъ процессомъ, лежащимъ въ его природѣ.

Такимъ образомъ подъ руководящими идеями я могу понимать только господствующія тенденціи каждаго вѣка. Эти тенденціи могутъ быть только описаны, а не суммированы въ послѣдней инстанціи въ одно понятіе; иначе мы опять вернулись бы къ только что оставленному нами выше.

Историкъ и долженъ теперь расчленивъ крупныя тенденціи вѣковъ и развернуть великую исторію человѣчества, которая представляетъ комплексъ этихъ различныхъ тенденцій. Съ точки зрѣнія божественной идеи я могу себѣ представить дѣло только такъ, что человѣчество скрываетъ въ себѣ безконечное разнообразіе процессовъ, которые проявляются мало-по-малу и притомъ проявляются по законамъ, намъ неизвѣстнымъ, гораздо болѣе таинственнымъ и великимъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

Разговоръ.

Король Максимилианъ: Вы говорили выше о нравственномъ прогрессѣ; имѣли ли Вы при этомъ въ виду также и внутренній прогрессъ отдѣльной личности?